

НЕСЫГРАННЫЕ РОЛИ

Режиссер Георгий Параджанов снял уникальный фильм про Валентину Караваеву

*Незаметная смерть - 2000 - 5
фев. - с. 7*

Елена Стишова

ГЕОРГИЙ ПАРАДЖАНОВ попал в квартиру Караваевой недели через две после ее смерти и обнаружил в убогом до изумления жилище актрисы рулоны размотанной любительской киноплёнки, киноустановку, допотопный пленочный магнитофон, а на стене — маленький бумажный экранчик в черной окантовке. Говорят, что квартира была залита водой, так что интерьер сильно напоминал зону из «Сталкера». Вода повредила чувствительный слой пленки настолько, что просохший целлулоид стал буквально рассыпаться в руках. Тем не менее было ясно, кто запечатлен на пленке. Сама Караваева в разных ролях. Нужны были гениальные руки, способные спасти хрупкое, почти исчезающее изображение. Параджанов нашел такие руки — оператор Илья Миньковский долго колдовал над пленкой, но добился того, что обещал — серебристо-пепельного изображения. Целлулоид запечатлел мистериальное действо, почти таинство — ведь Валентина Караваева не рассчитывала, что этот ее фильм когда-нибудь увидят зрители.

Представим себе внутренний мир этой женщины, оставшейся в памяти поколений нежной и ранимой Машенькой. Она покупает киноустановку, что, заметим, и по тогдашним временам было недешево, играет перед киноаппаратом любимые роли, где-то проявляет пленку и в одиночестве смотрит на свое изображение. Что это — безумие, нарциссизм? Или акт мучительного самоутверждения несостоявшейся актрисы, чей драматический темперамент не насыщала доступная ей творческая деятельность? Караваева, обладательница редкостной красоты голоса, много работала на радио и в дубляже, в годы бума итальянского кино она была востребована, как никогда, дублировала Джульетту Мазину. Только этого было мало...

Почему так сложилось, почему Караваева, репетировавшая «Чайку» в Театре киноактера, так и не сыграла Нину Заречную, не сыграла Анну Каренину, не выступала в концертах, не стала чтицей — фильм не берется разгадывать загадки этой судьбы, не замкачивается на фундаментальное исследование актерской

Незаметная смерть Валентины Караваевой, ставшей легендой кино благодаря одной только роли — Машеньки в одноименном фильме, не коснулась ее актерского мифа. Жизнь коротка, искусство вечно. Актрисы нет в живых, но для Машеньки нет смерти и нет забвения. Прошло три года, появился фильм «Я — чайка» и переставил актеры, представленные судьбой на жизненном пути актрисы. Про «Машеньку» в фильме сказано, но на первый план выходит — тесня хрестоматийный — другой, потаенный сюжет, о котором почти ничего не известно, кроме трагического эпилога. Караваева умерла в полном одиночестве и забвении, на ее заросшей бурьяном могиле на Хованском кладбище кося торчит дощечка с надписью «Чапмен» — это фамилия Караваевой по мужу. Вид заброшенной могилы, да еще на фоне безобразной бетонной ограды, давит на зрителя, тем более что этот план трижды повторяется в картине. Да только в картине есть такие эпизоды, что кладбищенский образ бледнеет. Что можно поставить рядом с кадрами, снятыми самой Караваевой для единственного зрителя, — для себя!

жизни. Став обладателем сенсационного материала, Параджанов решил остаться медиатором, и только. Интерпретаторы найдутся, но предложить зрителям путешествие в зазеркалье конкретной человеческой жизни — перед такой возможностью отступало все, включая биографические штудии.

Фильм показывает Караваеву, играющую любимые роли в собственной режиссуре. Куски смонтированы из фрагментов разных лет, иной раз возрастной перепад бросается в глаза. Но природная фотогения, этот дар божий не оставил актрису. Она играет в одной мизансцене — стоя перед неподвижной камерой. В ее пластике, в летящих руках под прозрачным палантинком есть что-то от роковых героинь немого кино, есть декадентский надрыв и полное слияние с образом, растворение в нем, что, как правило, не на пользу искусству. Но критик во мне молчит. Я вижу что-то до того интимное, что на границе сознания трепещет вопрос: этично ли разглядывать эти кадры? Такое ощущение, что наблюдаешь жизнь человеческого духа, уже отлетевшего. На эти немые планы наложен голос Караваевой. Драгоценный голос, чарующий, как пение сирен. Отсутствие синхрона не мешает. Артикуляция, движение губ редуцировано нефокусным, размытым изображением. А все вместе, призрачное изображение и голос, воспринимается целостно. Как послание высших миров. Она читает прощание Анны с сыном, самоубийство

Анны, последний монолог Нины Заречной. Наверное, эта женщина знала, что такое пиршество духа, даруемое творчеством. Этим и жила.

Почему этой лучезарной девушке с наивно распахнутыми глазами был уготован такой жребий? И кто, какая пифия могла угадать в ней роковую женщину? Фильм не дает ответов, он лишь множит вопросы, разжигая интерес к этой личности. Очевидно одно: она была из тех, кого судьба преследовала, «как сумасшедший с бритвой в руке».

Лишь вначале было везение, тоже сумасшедшее. Трудно объяснить, как удалось «Машеньке» — простодушной картине про любовь почтовой служащей и шофера, бесконечно далекой от мифологии эпохи, ускользнуть от всевидящего ока идеократии. Видно, была на то Господня воля, чтобы прелестное женское лицо озарило страну в роковом 42-м. Фильм «Машенька», впервые показанный уже обстрелянным фронтовикам, действовал на публику духоподъемно. Молодежная актриса в одночасье стала знаменитой. В 43-м она еще успела сняться в боевом киносорнике «Наши девушки», в короткой новелле «Тоня» у Абрама Роома (почему-то положенной на полку), а летом того же года по дороге на съемки фильма «Небо Москвы», приглашенная Юлием Райзманом уже как звезда, Караваева попала в автокатастрофу. Травма перечеркнула так счастливо начавшуюся звездную карьеру. Несравненная Машенька, в чьем облике светилось бесконечное

доверие к жизни, превратилась в женщину со шрамом. Это был конец. Она потеряла лицо, а с ним амплуа лирической героини. В год катастрофы ей исполнилось двадцать два, и у нее не было никаких шансов. Чтобы начать сначала, нужен был режиссер, уверенный в том, что новый имидж Караваевой интересен и продуктивен для кино. Такого не нашлось. И Голливуд повернулся бы спиной к изуродованной звезде. И все-таки ее потянуло на Запад. Там можно было надеяться на пластическую хирургию. Она вышла замуж за английского дипломата. Живя в Швейцарии, играла в театре русской церковной общины.

Трагические обстоятельства ее жизни не стали, впрочем, всеобщим достоянием. Ни во время войны, ни после, когда Караваева, оставив мужа, с которым провела несколько лет в Англии и Швейцарии, в 50-м году вернулась на родину. В фильме общается жутковатая подробность: актриса захватила с собой две склянки яда на случай ареста и однажды воспользовалась ядом, но ее спасли. То ли ее и в самом деле преследовало известное ведомство, то ли то был страх преследования плюс неустрашимость, неприкаянность, бездомность. Словом, у нее было достаточно поводов, чтобы впасть в хроническую депрессию. Приснопамятный пункт «есть ли родственники за границей» делал свое дело. Не нашлось никого, кто решился бы «раскрутить» Караваеву. К тому же характер у актрисы был не сахар. Только в 1964-м году Гарин с Локшиной снимают Караваеву в роли Эмили в «Обыкновенном чуде». Кадр из этой картины цитируется в фильме. И что же? Шрам над верхней губой ничуть не портит актрису, разве что придает ее облику загадочность. В ее стиле есть что-то от поздней Марлен Дитрих. Ясно, что она в прекрасной форме. Ясно, что такой актрисе нет места в советском кино.

Ловлю себя на том, что ввешиваясь на кровь позитивизм по-прежнему расставляет точки над «i», выстраивать причинно-следственные связи... Забыв про то, что «надо оставлять пробы в судьбе, а не среди бумаг». В конце концов внутренняя свобода еще и в том, чтобы унести с собой тайну собственной жизни. Оставив живущим романтическую легенду.